тельского оптимизма: «Итак, мир имеет все совершенство, какое только мог он получить от Причины, в которой одно из первых свойств есть Премудрость. Итак, нет совершенного зла во Вселенной, ибо она не заключает в себе ничего такого, что бы не могло быть действием или причиною какого ни есть добра, которое бы не существовало без того, что мы *злом* называем. Естьли бы все было одно от другого отделено, не было б гармонии» (XVIII, 7).

Карамзин, как и Жуковский, безусловно разделял идеалистическое решение общих вопросов происхождения мира и человека. Но для выяснения его мировоззренческой позиции оказывается существенным не только то, что он включил в перевод, но и то, что он не включил.

Изложив теорию предустановленной гармонии, Бонне перешел в последующих частях к ее подтверждению своими естественнонаучными и теологическими исследованиями. С его точки зрения, такие явления, как полипы, дождевые черви, летающие рыбы, развитие бабочки из гусеницы и эмбриональное развитие живых существ, подтверждают, что всякая жизнь от Бога предназначена к будущему усовершенствованию и счастью. Вот сам этот ход доказательств воспроизведен в русском переводе в достаточной мере фрагментарно. Теория «лестницы существ» в карамзинском варианте распалась, поскольку исключено было рассмотрение развития всевозможных видов органической и неорганической природы, предшествовавших появлению человека. Вся теологическая часть оказалась тоже изъятой, так как мистицизм чужд Карамзину на всех этапах его сознательного творческого развития.

Таким образом, человек, рассматриваемый на всех уровнях — онтологическом, физическом, духовном, даже отчасти социальном, явился чуть ли не единственной фигурой «лестницы существ» в интерпретации Карамзина. Человек предстал изолированным не только от предшествующих, но и от последующих звеньев в цепи системы (у Бонне специальная глава посвящена «небесной иерархии», включавшей ангелов, архангелов и других небесных существ).

Изучение человека вне выстроенной Бонне строгой системы иерархии очищало концепцию личности от влияния механического детерминизма (к которому вело учение о преформации) и в конечном итоге разрушало метафизическую завершенность представлений о месте человека в мироздании.

Для Карамзина, как впоследствии и для Жуковского, человек — венец природы: «...наверху лестницы нашего шара поставлен человек, совершеннейшее дело в земном творении» (XIX, 165). Следуя далее за размышлениями Бонне, Карамзин подходил к одному из важнейших вопросов философии XVIII в., в равной мере привлекавшему внимание материалистов и идеалистов, в том числе Канта,